

ПУТЬ

Поиск Истины в Мире Лжи

СЕРГЕЙ БАРАНОВ

Сергей Баранов

Путь. Поиск Истины в Мире Лжи

«Баранов Сергей Григорьевич»

2015

Баранов С. Г.

Путь. Поиск Истины в Мире Лжи / С. Г. Баранов — «Баранов Сергей Григорьевич», 2015

ISBN 978-1-54-112650-3

Необычная история обычного человека, поиск истины и смысла жизни которого в конечном итоге приводит автора к самому себе – к внутреннему состоянию человека, из которого начинается настоящая жизнь. Родившись в СССР, он перемещается по миру в поиске своего пути. Изучение восточной философии приводит его к священным растениям-Учителям, которые были и до сих пор используются шаманами Южной и Северной Америки. Погружаясь в духовные практики древнего мира, автор проходит через процесс глубокой личностной трансформации, что приводит его к образу жизни, который возможно не был предначертан ему судьбой. Книга «Путь» заинтересует любого духовного искателя, который ценит искренность выше всего.

ISBN 978-1-54-112650-3

© Баранов С. Г., 2015

© Баранов Сергей Григорьевич, 2015

Содержание

Если не бояться жить...	6
Введение	7
Благодарность	8
Посвящение	9
Детство	10
Первая иммиграция	13
На Четвертом Пути: первые прозрения	15
Как стирали личности и опустошали кошельки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Баранов

Путь. Поиск Истины в Мире Лжи

То, что ты ищешь, тоже ищет тебя...
Джалаладдин Руми

Книга посвящается моим родителям и дочери, которую они так и не увидели, покинув этот мир.

Copyright © 2015 Сергей Баранов

Все права защищены. Материалы книги запрещено воспроизводить и использовать в печатной или электронной формах без письменного разрешения автора.

Информация не может быть истолкована как путеводитель к употреблению психоактивных лекарственных растений. Ни автор, ни издатель не несут ответственности за возможные последствия, если читатель проигнорирует данную рекомендацию.

Все взгляды являются авторскими и не направлены на оскорбление религиозно-духовных или других чувств.

Автор получил разрешение от физических лиц использовать имена и фотографии при издании книги.

Все имена и события являются настоящими. Читатели могут связаться с автором на сайте www.shamansworld.org

Если не бояться жить...

Мне всегда были интересны люди ищущие... люди, бегущие из так называемой «зоны комфорта», оказывающиеся за ее пределами и делающие то, что по обстоятельствам их рождения делать им никак не было predetermined. Таким я считаю Сережу Баранова.

Но я и сама такая.

Поэтому и оказалась однажды в Латинской Америке. Прожила год в Аргентине, Уругвае, и, путешествуя по Перу, друзья познакомили меня с автором этой книги.

Общаясь с Сергеем, понимаешь, что синоним слова «увлеченный» – это счастье. Счастье искать и находить, бороться и верить, любить и созидать. Счастье жить своей собственной, самолично придуманной жизнью. Об этом его книга.

Иногда на рассвете, всматриваясь в проступающие за окном очертания моего города, мне приятно думать, что рано или поздно я снова окажусь в Перу, вдохну его необыкновенную силу и красоту, выпью чай из листьев коки у подножия Анд, поболтаю о смысле жизни с моим другом Сергеем и, может быть, даже попробую этот его удивительный кактусовый напиток!.. Когда-нибудь... А пока хотя бы подержу в руках эту книгу, в которой для меня есть все: и шелест трав, и запах гор, и ветер, и мечта, и путь. Путь Человека, который никогда не боялся самого себя.

Рекомендую и вам эту книгу.

Оксана Робски

Введение

Уважаемый читатель,

моя книга – это правдивая история жизни, поиска смысла и истины. Я надеюсь, что она сможет послужить вашим отражением, в котором вы найдете подтверждение собственному пониманию своего мировоззрения и, возможно, почерпнете что-то новое для себя.

Благодарность

Хочу выразить глубокую благодарность моей любимой жене Мерседес, которая поддерживала меня на протяжении всего написания книги, в то же время заботясь о нашей новорожденной дочери, обо мне и домашнем очаге. Она доверяла мне безгранично и преданно. Я признателен своим родителям, которые верили в меня и очень ждали выхода книги, однако так и не увидели ее, скончавшись.

Я благодарю священные лекарственные растения-учителя: кактусы Сан-Педро и Пейот, а также листья коки. Они помогли мне в написании книги, придав необходимую для завершения этого проекта ясность. Хочется извиниться перед моим верным псом Ричи, на прогулки с которым совсем не хватало времени.

Посвящение

Моя дорогая дочь, посвящая эту книгу тебе, я надеюсь, что она послужит тебе полезным подспорьем в дальнейшей жизни, когда меня не окажется рядом. Красивая и невинная, ты ходишь вокруг, улыбаясь, когда я пишу эти строки.

Жизнь моя не всегда была легкой, но я ни о чем не жалею. Все произошедшее со мной, будь то хорошее или плохое, привело меня к этому моменту, когда я и твоя мама можем видеть, как ты наслаждаешься первыми шагами и излучаешь любовь.

Мои первые воспоминания уходят в раннее детство, когда мне было немногим больше двух лет. Они начинаются с боли, которая в дальнейшем была моим нежеланным спутником, меняя свой облик на протяжении жизни. Это чувство может выступать стимулом для внутреннего поиска себя, однако я не считаю его необходимым условием на пути к самопознанию.

Твоя жизнь, моя дорогая, началась с любви, и я хочу, чтобы это светлое чувство стало основой твоего миропонимания и сопровождало тебя всегда.

Идея создать книгу возникла давно, но я не знал, о чем конкретно должен писать. Когда я окончательно перебрался в Перу в 2009 году, это желание только усилилось. Мы строили дом, твоя мама была беременна тобой. Жизнь шла своим чередом. Тогда я понял, что это совершенно неминуемый процесс. Помню, как однажды я остро ощутил, что этот проект нельзя откладывать: если я сам не приступлю к работе именно сейчас, то что-то свыше заставит меня это сделать. Я даже перестал ездить на мотоцикле, опасаясь несчастного случая.

Когда стройка была окончена, я смог уединиться со своим основным учителем, пребывающим на земле в нечеловеческой форме, – кактусом Сан-Педро. Он помог мне: внутренний голос подсказал, что нужно писать о жизни, потому что свою историю я мог изложить лучше всего. Я верил, что моя книга станет полезной для тех, кто ищет свой собственный путь к себе.

Я всегда уважал и ценил в окружающих такое редкое качество, как искренность, и понимал, что по-другому писать нет смысла. Она всегда открывает и соединяет людей.

Вскоре мы переехали в наш новый дом, и однажды ночью я проснулся и взялся за работу. Я ощутил легкость, которую сложно передать. Твоя мама взяла все заботы по дому на себя, чтобы мне было спокойнее работать.

Моя история – это история обычного человека, который искал смысл жизни и то, ради чего стоит жить, смысл, который теперь я вижу в тебе.

Я надеюсь, что книга поможет тебе избежать ненужных страданий, на исцеление которых порой уходит вся жизнь.

Детство

Я родился 3 июля 1976 года в СССР. Мои первые туманные воспоминания о раннем детстве застыли в памяти, как снежные морозные узоры на стекле.

Мне было два с половиной года, когда однажды ночью я проснулся от боли. Я лежал в детской кроватке. Между ней и стеной проходила труба отопления, на которую я во сне положил руку. Сильный ожог оставил шрам на правой руке на всю жизнь.

Следующее воспоминание: я стою в зоопарке и плачу. Проходя мимо клетки со львами, своим детским восторгом я разбудил спавшего льва, который, проснувшись, громко зарычал и испугал меня до слез.

Мне было четыре года, когда во время Олимпиады 1980 года, заболев свинкой, я наблюдал за бежавшими спортсменами через окно.

В памяти всплывают отдельные картины моего пятилетнего возраста. Ураган сорвал кусок жестяной крыши театра и сильно ударил о стены нашего балкона. Пожар на крыше от молнии во время грозы. Помню, как ярким заревом осветилась надпись «Миру мир!», после чего в нашем доме начался пожар. Я помню отца, державшего меня на руках, в толпе жителей нашего дома, наблюдавших за горевшей пятиэтажкой.

Мне было немногим больше пяти лет, когда я организовал побег из детского сада, подбив всех на прогулку по улице. Мы стояли на тротуаре и наблюдали за проезжавшими машинами. Родители рассказали мне и об организации побега, и о том, как потом их ругали воспитатели. Конечно, дома я получил хороший нагоняй. Помню, как мы с друзьями бегали на железную дорогу, плавил свинец на костре и отливали из него разные фигуры при помощи песка. А однажды, набегавшись на улице и наигравшись в футбол, я заскочил домой и вместо воды хлебнул уксус, а потом сильно задыхался.

В семь лет я помню себя немного лучше. Мы переехали на новую квартиру, я пошел в другую школу, где и начал заниматься разными видами спорта: ходил на фехтование, плавание, футбол. В девять лет наша группа по фехтованию поехала в Евпаторию, где, заснув на пляже, я сильно обгорел. Обугленные плечи об этом событии напоминали долгие годы.

Тогда же в Крыму произошел первый опыт знакомства с гипнозом. На сеансе было много людей, они подчинились гипнотизеру и сцепили руки, а я смотрел на них с изумлением и был разочарован, потому что на меня он не подействовал. Придя в себя, многие аплодировали. Я вышел из зала на улицу, где меня встретили трое парней явно постарше. Они спросили меня о национальности, и, получив ответ, один из них ударил меня по лицу. Драться с тремя я не решился и очень пожалел, что не могу ввести их в состояние транса и просто пройти мимо.

Я увлекся рукопашным боем. На тренировки ходил, не пропуская ни одного занятия, большим и здоровым. Я любил ходить на речку, кататься на велосипеде, собирать гербарий из кленовых листьев, жечь костры, камыши, стрелять из самодельного лука, играя в индейцев. Мы часто бегали на стройку, а однажды я нашел пробитую каску, вероятно, еще со времен войны.

Очень любил кино. С родителями мы часто ходили на разные сеансы, в том числе на «Спартак», сюжет которого мне очень нравился. Я был в восторге от фильмов «Миллион лет до нашей эры», «Вожди Атлантиды» и «Легенда о динозавре», которые я просматривал по несколько раз.

Какое-то время увлекался фотографией. Ходил на фотокружок: мне нравилось наблюдать, как на чистых листах проявлялись образы. Помню эту специфическую атмосферу и запах в процессе проявки. Однажды у меня появился негатив с фото рок-группы, фотографии которой мы продавали в школе на перемене. Первый опыт бизнеса был недолгим: старшеклассники негатив у меня отобрали после того, как я с одним из них подрался. Вскоре после этого я начал слушать музыку музыкантов с тех фотографий. В ней ощущалась свобода.

Первая моя книга – «Энциклопедия животного мира», в которой в шесть лет я любил рассматривать иллюстрации животных. Мне интересно было изучать глобус. В школе я любил читать сказку «Старик Хоттабыч». Волшебства не хватало во всем, что меня окружало: особенно остро я ощущал это, глядя на спешивших людей за окнами.

Вскоре я стал посетителем городской библиотеки, в десять лет увлекся научной фантастикой. В домашней библиотеке отца были книги Александра Беляева, которые он часто читал сам. Меня увлек этот автор, особенно рассказы «Вечный хлеб», «Властелин мира», «Продавец воздуха», «Человек-амфибия» и «Ариэль». Над сюжетом этих произведений я часто размышлял на уроках, наблюдая за падавшим за окном снегом. Звонок на перемену приносил радость: я снова мог погрузиться в свой собственный мир.

Кроме научной фантастики мне нравились приключенческие романы «Остров сокровищ», «Копи царя Соломона», «Робинзон Крузо». Частенько утром, когда ночью зачитывался «Войной миров», «Машиной времени», «Человеком-невидимкой» Герберта Уэллса, мне тяжело было подниматься в школу и идти на уроки, где мне рассказывали о Ледовом побоище и баснях Крылова, весь смысл которых открылся мне много позже. В то время ночное чтение, полеты во снах и теплая постель были гораздо приятнее утренних подъемов.

Перебарывая себя, каждое зимнее утро я выходил на еще темную улицу и по чистому, только что выпавшему, хрустевшему снегу, в чем ощущалась некая тайна, шел в школу. Учиться я не хотел: мне было скучно. Тройки с длинными минусами, следы которых оставались на учительском столе, расстраивали родителей, которые частенько вечерами делали со мной уроки. Я не хотел их расстраивать и часто менял дневники. Старые мы с другом сжигали, новые ожидала та же участь. Однажды я спалил себе брови, ресницы и волосы.

Родителей часто вызывали в школу, где им говорили одно и то же, мол, учиться может, но не хочет, присутствует на уроках, отсутствуя. Зато я любил ходить на физкультуру, рисование и труды. В них тоже ощущалась свобода. Ненавидел ездить в колхоз на картошку, но любил сажать деревья.

В новых тетрадках я любил рисовать. Однажды на работе у матери мои карикатуры заняли первое место в конкурсе. Как она говорила, людям понравились простота и узнаваемость моих изображений. Помню, как мне было легко создавать на бумаге образ пьющих людей. Когда на уроках труда я научился выжигать, то целыми днями «рисовал» на фанере и лакировал свои произведения. Одну работу «Ленин у костра» увезли на городскую выставку, однако судьба ее мне неизвестна. Особенно ценной для меня была выжженная овчарка, над которой я трудился очень долго. Она потерялась, а через двадцать лет я узнал старый образ в своей собаке, о которой подробней напишу позже. В пионерских лагерях мне нравились большие костры, бродить по лесу, остальное было скучным. На первом же родительском дне я просился домой, угрожал побегом.

Помню, как часто присутствовал на похоронах соседей. Мы жили в длинной пятиэтажке, многие из жителей которой умерли. Я стоял у стоявших на стульях гробов, смотрел на покойников, размышляя о том, куда девается жизнь после смерти. Потом по ночам я боялся засыпать: меня пугала темная бездна. Возможно, это стало причиной, по которой меня возили к бабке-знахарке, от которой родители и узнали о моем интересе к загробному миру. Посещение похорон заставило меня задуматься и о своей смерти. Тогда еще ребенком лет восьми я боялся мысли о том, что когда-нибудь и мне придется покинуть этот мир. Я стал размышлять о возможности пронести свое сознание через смерть.

Я любил зиму за домашний уют, весну – за таявшие сосульки в руках, в которых сверкало долгожданное лето, лето – за радость, осень – за грусть.

О том, что мы уезжаем в Израиль, я узнал перед самым отъездом. Я учился в пятом классе. Помню, как было грустно, хотя перемены сулили новое и интересное. Я понимал, что

светлое детство я оставляю в прошлом, расставаясь с ним навсегда. Тогда я пообещал себе его никогда не забыть, а с ним и себя.

Первая иммиграция

Первая иммиграция в Израиль в 1989 году была трудной. Нам говорили, что мы едем на родину, а оказалось – приехали на чужбину. По приезде в Израиль угнетающее чувство неполноценности, которое присутствовало в детстве из-за своей национальности, не сменилось покоем, а, напротив, усилилось, и в той же презренной обертке теперь я стал «русским».

«Русские, убирайтесь обратно в Россию!» – кричали нам местные жители. Но назад дороги не было: советских паспортов нас лишили перед отъездом, сказав, что путь у нас в один конец.

Мы не знали языка и местных традиций, отчего окружающие постоянно воспринимали нас как неполноценных, и это, естественно, ущемляло наше достоинство. Смотришь вокруг: все чужое, люди совершенно другие, чувствуешь себя не в своей тарелке. Трудности заключались во всем: во враждебном настрое местных по отношению к иммигрантам, в незнании языка и непонимании местного менталитета, обычаев, праздников, в отсутствии денег и возможности их заработка. Скучное существование на пособие и все другие трудности иммиграции может понять только человек, прошедший этот путь хотя бы раз в жизни.

Мне было тяжело, потому что я был практически один русскоязычный на весь класс марокканцев. Они посмеивались надо мной, коверкали мое имя, задирались. Драки на переменах были обычным делом. Естественно, школу я прогуливал, и так продолжалось все годы. Когда однажды пришел за аттестатом об окончании учебного года, охранник не хотел меня пускать на выпускной вечер, объясняя это тем, что никогда меня раньше не видел. Но, если признаться, и я его раньше тоже не видел.

Очень быстро мы стали ощущать нестабильность и вечное военное положение в стране. В Израиле не существует мира: там есть только временные затишья между войнами, к чему привыкаешь, как к смене сезонов. В такой обстановке люди живут, пытаются построить жизнь. Своего будущего я там не видел – оно, как мне казалось, ждало меня вдалеке.

Мы жили на севере страны, на холмистой местности. Я любил бродить по нескончаемым просторам, охотиться на змей и скорпионов, скрывавшихся от знойного солнца в тени под камнями. Мне было лет четырнадцать, когда я выловил и поселил парочку черных скорпионов у себя в комнате, в банке из-под шоколадного масла. Кормил я их кузнечиками, которых собирал в траве. Отца моя живая коллекция ядовитых друзей нервировала, и мне пришлось их отпустить. Любил сидеть на камнях, смотреть вдаль и размышлять о жизни, вспоминая свое прошлое и представляя будущее.

Родители делали все, что могли, стараясь сделать нашу жизнь легче и лучше. Но возможности их были ограничены незнанием языка и состоянием здоровья. Отец уже тогда был болен сахарным диабетом, который усложнился стрессом, связанным с иммиграцией. Физический труд уже давался ему трудно. Позже и я стал искать подработки. Зарабатывал где мог: был развозчиком пиццы, потом пересел за руль грузовиков, в которых отсутствовали зеркала, гидроусилитель руля и через раз срабатывали тормоза. Когда я возвращался однажды из поездки в Иерусалим, по дороге домой между Тель-Авивом и Хайфой, в месте, где нет ничего, кроме песков, камней и берега Средиземного моря, грузовик просто встал. Дело было к вечеру, и, когда я позвонил хозяину и сообщил ему о поломке, он сказал, что уже поздно и пришлет ко мне людей утром, а ночь я могу провести в грузовике. Я сказал, что если в течение часа за мной не приедут, я оставлю грузовик на дороге и на попутках уеду домой. Людей он прислал в тот же вечер, но на следующее утро меня выгнал. Бесконечные штрафы за превышение скорости, ограничение которой, как мне казалось, для того и существовало, чтобы ее превышать, запрещенные парковки в удобных местах для разгрузки, штрафы за неисправность грузовиков – душили, забирая практически все заработанное. Работодатели оплачивать квитанции не

хотели, ругались, я увольнялся, или меня увольняли. Потом работал на заводах, где видел, как люди превращались в рабов, вынужденных кормить свои семьи. Однако чувство жалости к ним исчезало, когда они доносили начальству о моем недовольстве условиями работы. Я ненавидел их и работу. Встречались мне и хорошие люди, но я снова уходил с нового места, и общение с ними сходило на нет.

Между этими муками я занимался боевыми искусствами, читал восточную философию, мечтал о шаолинском монастыре, в чем находил свой покой. В шаолинских монахах, мастерах кунг-фу, кроме подвижности, легкости и физической выносливости, меня привлекала духовная сторона. Мне тогда казалось, что дисциплина в мире монахов-бойцов была основана на понимании каких-то принципов, о которых мне очень хотелось узнать.

В семнадцать лет в мою жизнь вошел великий персидский мудрец Омар Хайям, чьи рубаи манили глубиной понимания человеческой жизни. Осмысление произведений философа было похоже на вдохи чистого воздуха посреди духовного вакуума повседневной жизни. Детское чувство, что чудесное рядом, сохранялось во мне и продолжало расти и крепнуть на почве философии восточных мудрецов, стихотворений и притч. Я искал знания в книгах, проводя свободное от тренировок время в городских библиотеках. Помню, как впечатлили меня «Кентерберийские рассказы» Джеффера Чосера, в которых легко узнавалась наша современная жизнь. Написанное им семьсот лет назад было весьма актуально и сегодня: в людях с тех пор мало что изменилось, другим стал только внешний облик.

Но, несмотря на то что понимание новых для меня вещей было отдушиной, я также признавал, что даже самые умные книги не могут привести человека к себе. В лучшем случае они способны только вдохновить и направить, как суфийская музыка или дудук Дживана Гаспаряна, в котором слышна тоска по чему-то далекому и неизвестному, но в то же время знакомому до боли души.

На Четвертом Пути: первые прозрения

Мне было девятнадцать, когда один мой приятель подарил мне первый том Карлоса Кастанеды «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки». С первых страниц я ощутил нечто знакомое, преследовавшее меня с детства. Истории о загадочном кактусе Пейоте и шаманах Мексики только усилили во мне огонь, который давно пылал внутри. Я проводил ночи, глядя на звездное небо, молил о встрече, но поиски дона Хуана в далекой Мексике для меня на тот момент были такими же неосуществимыми, как и полет на Луну. Только спустя пять лет судьба забросила меня в Америку, откуда и начался реальный поиск пути.

Мне исполнилось двадцать четыре года. Я уехал в Калифорнию после того, как присоединился к некоей эзотерической школе, центры которой были разбросаны по многим странам мира, в том числе и России. Это была школа Четвертого Пути, основанная на учении Г. И. Гурджиева, П. Д. Успенского, русских философов-мистиков 20-го века. О ее существовании я узнал еще за несколько лет до того, как вступил в нее, от того же человека, который и подарил мне первый том Кастанеды. Но меня туда не тянуло до того момента, пока я не познакомился с некоторыми трудами П. Успенского. Особенно меня затронула его маленькая повесть «Странная жизнь Ивана Осокина», которая буквально упала мне в руки с полки в книжном магазине, а также «В поисках чудесного». Ее я прочел залпом, ощущая всю искренность и глубину поиска автором пути. Прочитав обе книги, я захотел посмотреть на людей и узнать подробнее о «работе», как ее называли «четверопутчики».

После прослушивания трех вступительных лекций в Тель-Авивском центре Содружества Друзей международной школы Четвертого Пути мы с другом решили стать учениками «просветленного» учителя, о котором нам говорили на вступительных лекциях, который якобы достиг духовного совершенства по системе Г. Гурджиева, став человеком «номер 7», живя в Калифорнии. Студенты считали его полубогом и годами ждали с ним встречи.

Шли месяцы. Формальные встречи проходили два раза в неделю, их вели «старые студенты» (так называли тех, кто провел в школе более 10–15 лет). Здесь рассматривались идеи Четвертого Пути, основателями которого были Г. Гурджиев и П. Успенский. Помимо этого общения, мы собирались и в другие дни в домах единомышленников для дальнейшего обсуждения «рабочих идей». Это называлось «школьной жизнью».

Такие мероприятия я старался посещать как можно чаще, чтобы глубже проникнуться «работой», и месяца через три после вступления переехал жить в Тель-Авив, где тогда находился центр. Снимал комнату у одного из студентов. Все было бы ничего, если бы только не возникшее ощущение несоответствия между тем, что я сам понимал, читая «рабочие» книги, и тем, как трактовались эти идеи в центре. Тогда я подумал, что, возможно, все это связано с большим расстоянием между «сердцем школы», находившимся в Калифорнии, и Тель-Авивским центром. Вероятно, влияние учителя не доходило до центра в полном объеме, что и отражалось на общем уровне понимания студентами эзотерических идей. С такими мыслями я решил ехать в Аполло (одно из вечно меняющихся названий поместья «учителя» в Калифорнии) для более глубокого осмысления учения и погружения в «работу». Для того чтобы разобратся во всем, требовалось время.

От поездки в Калифорнию меня отговаривали старые студенты, которые уже имели опыт пребывания там. Они утверждали, что мне будет очень трудно. Кроме того, в школе существовало правило, запрещавшее посещать Аполло, где жил учитель, не проучившись как минимум год. Несмотря на все препятствия и отговорки, как только я получил визу в Америку (что само по себе было чудом), тут же купил билет и пришел попрощаться с людьми в израильском центре, которых тогда еще уважал.

Мой отъезд стал неожиданностью для многих, ведь получить десятилетнюю визу в Америку, не имея в Израиле ничего, что гарантировало бы мое возвращение, было практически невозможно. Я помню, как пришел в американское посольство в Тель-Авиве, где, поговорив с консулом, который, как мне показалось, во время нашего недолгого разговора пребывал в состоянии транса, я получил то, за чем пришел. Я впервые почувствовал незримую помощь свыше, которой старые студенты нашли объяснение как «помощь богов, напрямую работающих со школой». Воодушевленный встречей с учителем, я собирал свои вещи, в душе понимая, что навсегда покидаю родительский дом, родные места, друзей и безнадежное будущее, которое сулил мне Израиль. Отъезд в Америку родители поддержали, собрали в дорогу все, что могли. Через девять месяцев после вступления в школу я уехал.

Как стирали личности и опустошали кошельки

В Калифорнийском центре моему приезду никто не обрадовался. Встретили меня без особых почестей, более того, сказали, что рано, мол, приехал, нужно было бы больше времени на прежнем месте побыть, но раз приехал, то вот тебе лопата – будешь ямы копать. Учитель наш, мол, эстет, любит в саду погулять, вот ты и такие, как ты, ему красоту создавайте. Идея рыть ямы меня огорчила, но вспомнилось прочитанное некогда в литературе Востока о необходимости дисциплины и подчинения своей воли учителю на духовном пути: избегая их, человек обнажает свою слабость и демонстрирует неготовность быть учеником. Я успокоил себя мыслью, что это проверка, и решил, что мое ученичество началось.

Вскоре после приезда у меня начались конфликты с коллегами, а затем и с самой администрацией. Я увидел здесь то же самое, с чем уже сталкивался в Израиле на разной работе, на которой долго не задерживался: уходил сам или меня выгоняли. Но в школе, кроме скотского отношения к людям, я наблюдал некую «пустоту» в самих студентах, которую они пытались заполнить «формой школьной жизни», состоявшей из постоянных «событий» – встреч и обедов. Причем за участие во всем этом студенты должны были вносить отдельную плату, помимо ежемесячной за обучение, составлявшей десять процентов от зарплаты или минимум четырехста долларов для тех, кто работал в жизни, то есть за пределами Аполло.

«События» вел учитель, и состояли они из встреч, завтраков, обедов и ужинов, за которые студенты платили отдельно: пятьдесят долларов за стоячие и сто пятьдесят за сидячие места. Желавшие могли пригласить учителя домой. Это считалось самым престижным событием. Дом студентов буквально «вылизывали», накрывали богатый стол. Приезжал учитель и также заводил свою шарманку на час, только в этот раз за восемь тысяч долларов. Хозяин пира (студент, в чьем доме это происходило) очень важно потом себя чувствовал, хотя, вероятно, в душе сожалел о потраченных деньгах.

Тем, у кого денег не было, предлагались учительские ваучеры, которые студент мог заработать за день физической работы: рытьем траншей, канав и ям, посадкой пальм разных размеров, обработкой камня в «каменоломне». Так мы называли место, где изготавливался белый камень для строительства несанкционированного местными властями амфитеатра, на представления в котором еще в недостроенном состоянии уже приглашались танцоры из Большого театра. Билеты на их выступление продавались по разным ценам. Танцоры были единственными «людьми из жизни» (так презрительно в школе называли не студентов), которые не только имели право появиться на территории Аполло, но и лично пообщаться с учителем, разделив с ним трапезу. Такую расстановку событий объясняли любовью учителя к балету.

Когда в процессе работы студенты получали травмы, вместо медицинской помощи им говорили, что их тела – это всего лишь машины, заботиться они должны о душе.

Однажды нам объявили о назначенной проверке в Аполло инспекторов из местного графства. В срочном порядке все силы были брошены на заставку амфитеатра горшками с пальмами. После двух дней безостановочной работы, начинавшейся с раннего утра и продолжавшейся до поздней ночи, весь амфитеатр был полностью заставлен растительностью. Когда на следующий день в Аполло приехала государственная проверка, единственную дорогу, ведущую к амфитеатру, перекрыли, обозначив дорожно-ремонтными знаками. Инспекторов же проводили вокруг по холмам, откуда здание выглядело, как скопление небольших деревьев. Поездив вокруг, инспектора уехали ни с чем. После мы привели здание в прежний вид и продолжили строительство. Когда я поделился с одним из студентов своим мнением по поводу произошедшего, он пренебрежительно сказал, что обмануть «спящих» людей негрешно, ведь они все равно спят и жизнь их им только снится, в подтверждение процитировав высказывание учителя о высшей правде, под которой всегда подразумевалось предпочтение школе, учителю и

высшим силам. К сожалению, сказанные слова не являлись только его мнением – такими были общие навязанные взгляды сектантов на жизнь.

Кроме того, постоянно на что-то собирали деньги: на новый фонтан, на картины, которые потом продавались на аукционах, на дороги. Я помню, как еще в Израиле пожертвовал практически последние деньги на новую дорогу, которую учитель пожелал построить в Аполло. Со всех центров вышло сто сорок тысяч долларов. Когда я приехал в Аполло, строительство дороги уже подходило к концу, но потом учителю не понравился угол, который она приняла. Дорогу разрушили, и денежные сборы начались заново. Людей тут же успокоили, объяснив произошедшее тем, что учитель учит не «отождествляться» с вещами, т. е. не привязываться к ним. Кому-то этих объяснений хватило, кому-то нет. Кроме этого, постоянно проводились розыгрыши лотереи: учитель «жертвовал» что-то из своей коллекции, например, дорогое кольцо или часы, и это становилось главным призом. Студентов подталкивали купить лотерейные билеты. Собранные средства, как нам говорили, шли на нужды школы. Однако, как ни странно, главные призы частенько выигрывали приближенные.

На встречах люди внимали учителю, будто перед ними свершалось чудо, после чего выходили из зала со скорбным видом, как с похорон. Я смотрел на них и думал о том, как далеки их серьезные лица от той легкости и радости, возникающих в человеке в высших состояниях сознания, о которых они столько говорят, но никогда не испытывают. Ведь если знание не освобождает человека, если оно не наполняет его радостью и не умиротворяет душу, то чему тогда оно служит? Разве возможно продвигаться к духовной свободе, будучи скованным кандалами слепой веры и страхом?

Все эти монологи учителя записывались на видео и демонстрировались потом за меньшую плату тем, кто был победнее. Внимание и присутствие учителя считались благословением, и люди залезали в долги, чтобы с ним позавтракать, пообедать, поужинать или помолчать на встречах, где он повторял, как правило, одно и то же. На мой вопрос, почему учитель говорит каждый раз, как заезженная пластинка, один старый студент мне однажды ответил, что это наш «непробудный сон» вынуждает его повторяться, ибо не способны мы понимать «пробужденного» иначе.

О методах обучения учителя можно сказать следующее. Он верил, что только от шока и его трансформаций человек пробуждался. На практике это выглядело так: на формальных встречах, например, в гробовой тишине, в процессе своего монолога он снимал одну туфлю и бросал ее в толпу внимавших каждому слову студентов, или же за ужином брал салфетку и клал себе на голову, продолжая говорить с серьезным лицом. Еще учитель любил опрокидывать стакан с водой на белую скатерть. Таким образом, как он говорил, создавал «маленькие шоки» студентам, давая возможность их трансформировать и, так сказать, пробуждаться.

Однако его методы были невинными только на первый взгляд. Кроме швыряний туфель и подобных глупостей он любил «давать советы» личного характера. Как результат – напряжение в отношениях у одних или же конец отношений у других. Все это делалось ради создания трения и шоков для горячо любимых студентов.

Но и это не все. Когда он гулял однажды в сопровождении своей свиты по окрестностям Санкт-Петербурга, кто-то, возможно, садовник упал с дерева. Реакция учителя была следующей: «Это Влияния С (боги) устроили шок для студентов». А когда на их глазах человека сбила машина, его реакция была такой же. Другими словами, живые люди, у которых наверняка были семьи, оставшиеся без отца или мужа, учителя не интересовали. Для него они были просто объектами воздействия «высших влияний», которые боги использовали в качестве тренинга для его студентов.

О денежных сборах и отдельной плате практически за все «события» в школе на вступительных лекциях не говорили, как, впрочем, и о том, что, придя в школу, человек должен был отказаться от своего прошлого. Это включало и отношения с родными и близкими. «Теперь у

тебя есть новая семья и новые друзья», – внушали нам. Жизнь до школы рассматривалась как бессмысленное механическое существование во «сне», ведущее к гибели, а, следовательно, все, что в этом «сне» было пройдено, найдено и понято, значения не имело, так как в этом состоянии невозможно понять что-либо вообще. «Никакая работа не может быть сделана во сне», – неверно трактовали П. Успенского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.